

Жизнь в Кембридже

Продолжаем знакомство с книгой **Сергея Петровича Капицы** «Мои воспоминания». Предлагаем вашему вниманию фрагмент, в котором он рассказывает о своем детстве в Кембридже.

(Из книги С.П. Капицы «Мои воспоминания»)

15 мая 1928 г.

Родился я в Кембридже, в Англии, где тогда жил и работал мой отец, Петр Леонидович Капица. Он приехал в Англию в 1921 г. вместе с группой советских ученых, в которую входили Алексей Николаевич Крылов и Абрам Федорович Иоффе. Это были ученые с мировым именем, которые должны были восстанавливать разрушенные в результате революции и войн контакты, закупать научное оборудование и литературу. В Кембридже Петр Леонидович познакомился с Резерфордом, увидел его лабораторию и очень захотел там поработать. Но Резерфорд опасался иметь у себя сотрудника из Советской России, что было совершенно не удивительно, учитывая, что в то время не было даже дипломатических соглашений между Англией и нашей страной. Все же Капице удалось уговорить Резерфорда дать ему возможность работать в Кавендишской лаборатории, в конечном счете он прожил в Англии 13 лет.

Отец уехал из России вскоре после тяжелой утраты: во время эпидемии гриппа испанки он потерял свою первую семью — жену и двух детей, и, хотя его работа в Кембридже была очень успешной, он страдал от одиночества и семейной неустойчивости и часто писал об этом своей матери — Ольге Иеронимовне — в Петербург. Только через пять лет отец встретил в Париже Анну Крылову, которая жила там в эмиграции, вскоре они поженились и я появился на свет.

*П.А. Капица — матери О.И. Капице
15 февраля 1928 г., Кембридж*

Вчера я послал тебе телеграмму с извещением, что у нас родился сын. <...> Сегодня второй день, и все благополучно. Сынишка весит девять фунтов, здоровый и крикливый парень. <...> Серьезен очень и сосет кулак. <...> Теперь мы с женой не можем придумать имени ребенку.

Назвали меня Сергеем. «Сергей» плохо произносится по-английски, я не видел ни одного Сергея в Англии. Андреев сколько угодно, это вполне распространенное имя. И чтоб англичанам было удобнее, по-английски меня называли Питер, как отца. Мама, Анна Алексеевна, всю жизнь, даже в поздние годы, разговаривая со мной по-английски, называла меня только Питер, а по-русски — Сергей.

...Был у нас иеромонах Алексей*, тот самый, который нас венчал. Он приезжал крестить сына, крестили его Сергеем. Крестины были в среду. Тут был проф. Павлов с сыном, и они присутствовали на крестинах. Крестил он очень неловко. Несмотря на нашу просьбу, он все же окунул сына с головой, тот заорал и захлебнулся. Отец Алексей испугался, перепутал все молитвы...

Вскоре после моего рождения отец был избран членом Лондонского королевского общества. Тогда же он начал строить дом. Дом этот до сих пор стоит на Хантингтон-роуд, которая идет на северо-запад от Кембриджа.

Это одна из старинных римских дорог, которые были проложены еще тогда, когда Англия была частью Римской империи. Когда дом строился, это была окраина, а сейчас город разросся и распространился далеко за пределы этого места. Задняя часть нашего довольно большого участка, больше обычного, выходила на громадные опытные поля сельскохозяйственного факультета Кембриджского университета, использовавшиеся для экспериментальных целей. Там, где кончался участок отца, родители посадили небольшие деревья. Сейчас эти тополя выросли до большой высоты, их пришлось специально подстригать и выравнивать.

Сам дом был построен довольно своеобразно: классическая компоновка предполагала, что жилые комнаты — и гостиные, и спальни — выходят на парадный фасад, то есть на шумную улицу. Поэтому отец предложил архитектору Хьюзу разместить жилые комнаты и его кабинет окнами в сад, так что из них был чудный вид, а кухни и все вспомогательные помещения смотрели на большую дорогу. Кроме того, это был один из немногих домов с центральным отоплением. Может быть, благодаря этим нововведениям в настоящее время дом объявлен памятником архитектуры. В саду был теннисный корт, большая редкость в то время. Увы, корта этого уже нет — но осталась большая лужайка, где еще видны его границы. В этом саду и проходило наше детство.

Одно из самых первых моих ярких воспоминаний относится ко времени, когда мне было полтора года. Летом 1929 г. родители вместе со мной уехали отдыхать во Францию, в Бретань. У меня болели уши,

1. С отцом Петром Леонидовичем Капицей, 1928 г.
2. Дом в Кембридже, построенный по плану Петра Леонидовича Капицы
3. С младшим братом Андреем
4. Сережа с мамой Анной Алексеевной, Кембридж, 1928 г.
5. С бабушкой Елизаветой Дмитриевной Крыловой
6. Будущий аквалангист: на отдыхе с родителями
7. Бабушка Ольга Иеронимовна Капица

и, чтобы как-то меня утешить, мне подарили цветные карандаши. Я до сих пор помню запах этих карандашей. Когда после войны к нам в институт привезли всякое оборудование из немецких лабораторий и там тоже были карандаши — *Koh-i-Noor*, это фабрика в Чехии, — я сразу вспомнил этот запах.

...Когда появился мой младший брат Андрей, у меня была естественная ревность к нему. Да к тому же он был в коляске, а у меня коляски не было, и это возбуждало всякие эмоции. Правда, довольно скоро мне купили велосипед, и это вызывало уже зависть Андрея. Но ничего, мы как-то преодолели все трудности и остались дружными братьями на всю жизнь.

Дома мы говорили по-русски, а вне дома — по-английски. Но когда мы делали что-нибудь очень гадкое, подрались или нашкодили, мать и дома переходила на английский язык. Это был такой способ с нами обращаться: власть она употребляла, переходя на английский.

Наша жизнь была довольно безмятежной. С трех-четырёх лет я ходил в детский сад мисс Фелиции Кук. Вместе со мной там были внучка Резерфорда и Ричард, сын барона Эдриана, знаменитого физиолога, который был потом президентом Королевского общества. За великие заслуги перед наукой — он был лауреатом Нобелевской премии — Эдриан получил звание барона, которое затем перешло к его сыну.

...Меня все время тянуло в отцовскую лабораторию, и отец иногда брал меня с собой. Как-то он привел меня в помещение, где стоял первый в мире ускоритель. Этот ускоритель разработали и построили ученик отца Кокрофт** и инженер Уолтон; на нем впервые было продемонстрировано, как пучком ускоренных частиц можно расщепить ядра лития. Это была довольно сложная установка, протянувшаяся на два этажа, с большущими изоляторами — и управляющий стенд, на котором напряжение достигало полумиллиона вольт, это даже больше, чем нужно для таких реакций. Подо всем этим гигантским устройством была маленькая кабина, где экспериментатор на флюоресцирующем экране наблюдал через микроскоп частицы от ядерных превращений. Такими простыми средствами, без всякой электроники, можно многое увидеть! Эта маленькая кабинка меня очень привлекала, но я даже заглянуть туда боялся — меня пугал черный ящик, задержанный плотной материей, где помещался экспериментатор. Отец рассказывал мне, что первым туда залез Резерфорд, и, когда было подано напряжение, он первым увидел ядерное расщепление, вызванное пучком ускоренных частиц. Так я и не побывал на месте экспериментатора в первом в мире ускорителе! Потом уже в моей научной жизни мне много приходилось заниматься ускорителями — ускорителями электронов, — но тогда вся эта техника выглядела уже совсем по-другому.

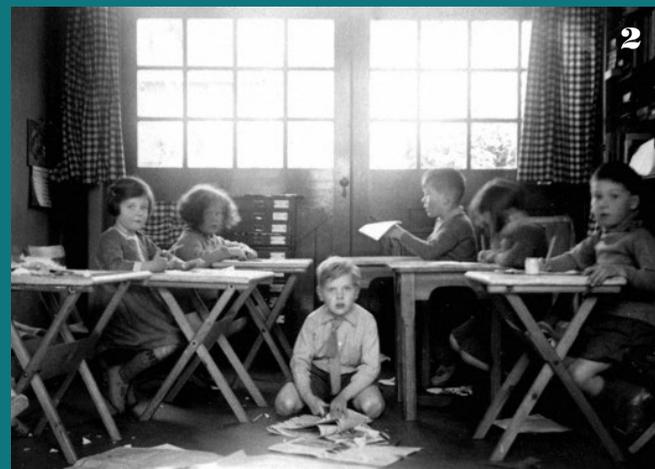
...Бабушка Ольга Иеронимовна Капица заботилась о нашем чтении и постоянно присылала из России детские книжки. Она была профессором Педагогического института им. А.И. Герцена в Ленинграде и занималась детской литературой. Бабушка, несомненно, оказала большое влияние на поросль молодых и талантливых детских писателей, которая тогда сформировалась в Ленинграде; туда входили Маршак, Бианки, Житков. Они создали то, что теперь называется советской детской литературой. Это было, по-моему, очень заметным делом в то сложное и тревожное время. Недаром Маяковский говорил, что для детей надо писать как для взрослых, только лучше. Почти каждый год во время отпуска отец ездил в Россию, навещал Ольгу Иеронимовну и встречался с коллегами-учеными. Его не раз предупреждали, что в Советский Союз ездить опасно, об этом намекал в письмах и мой дед Алексей Николаевич Крылов.

...В очередной раз они отправились в СССР в конце лета 1934 г. Они поехали на только что купленной машине *Vauxhall*: доплыли на пароме до Бергена и, объехав Скандинавию, добрались до Ленинграда. Мы с братом Андреем остались в Англии с няней и бабушкой Елизаветой Дмитриевной.

На этот раз опасения деда сбылись: отца задержали в России, и мать через несколько месяцев вернулась в Кембридж одна. Для отца это был колоссальный удар, неожиданно прекратилась его успешно продвигающаяся работа в новой, специально для него построенной лаборатории, где должны были проводиться исследования в сильных магнитных полях и при низких температурах. Лаборатория была построена на деньги крупного предпринимателя Людвиг Монда, сделавшего свой капитал на никеле. Теперь все обстоятельства этого дела хорошо известны, опубликована драматическая переписка родителей в этот период. Но для нас жизнь почти не изменилась; в тот год, когда Петр Леонидович был в Москве, а мы — в Англии, жизнь продолжала быть размеренной. Мы ходили в школу, никто нас не беспокоил, мы были заняты своим делом, своим миром, и тревоги этого времени прошли мимо нас. Когда переезд в Россию был уже решен, мать ненадолго съездила туда, чтобы окончательно понять, можно ли нас перевозить: они с отцом сначала боялись везти нас и хотели оставить в Англии в каком-нибудь хорошем пансионе. Но в конце концов решили, что лучше всем быть вместе. ■

* О. Алексей (Киреевский) (1870–1945), иеромонах. Провел около 20 лет в монастыре на горе Афон (Греция). Одно время (до 1928 г.) был настоятелем прихода в Бийанкуре (Париж), где и венчал Петра Леонидовича и Анну Алексеевну. Духовный отец матери А.А. Капицы — Е.Д. Крыловой.

** Кокрофт Джон Дуглас (1897–1967), английский физик. Создал в 1932 г. совместно с Эрнестом Уолтоном первый ускоритель протонов (каскадный генератор) и осуществил ядерную реакцию с искусственно ускоренными протонами. В 1951 г. совместно с Уолтоном получил Нобелевскую премию.

1. Сергей и Ричард Эдриан
(в центре)

2. Детский сад Фелиции Кук,
крайний справа — Сергей

3. Юный велосипедист

4. А.А. Капица с сыновьями,
Кембридж, 1935 г.

5. На пароме в Берген

6. Дед А.Н. Крылов

7. Первый ускоритель

